

Светлана Иванова

Обсуждение «польского вопроса» на страницах периодических изданий 60-х годов XIX века

Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego nr 1, 9-32

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Светлана Иванова

Обсуждение «польского вопроса» на страницах периодических изданий 60-х годов XIX века

В статье выявлено влияние «польского вопроса» на развитие русского национального самосознания, нашедшее отражение в периодических изданиях 60-х годов XIX века. Польское восстание 1863-1864 гг. способствовало обострению интереса к проблеме русской национальной идентичности и её конструированию в различных философских проектах.

Ключевые слова: «польский вопрос», национальная идентичность, публицистика.

«Польский вопрос» был самым сложным в национальной политике Российской империи и существенно повлиял на развитие русского национального самосознания. Поляки являлись своеобразным цивилизационным вызовом, опасным примером сепаратизма, подрывая основы русской национальной идентичности. Требования Польши о восстановлении границ 1772 г. угрожали целостности империи и воспринимались, по мнению большинства патриотически настроенного общества, как покушение на русскую национальную территорию, «исконно русские земли», а именно Литву, Белоруссию и Украину. Тесное сотрудничество поляков с русским революционным движением способствовало восприятию их как главной угрозы существования самодержавия в России. Стремление стран Западной Европы выступить посредниками в решении «польского вопроса» рассматривалось русским правительством и обществом как внешняя угроза, вмешательство во внутренние дела Российской Империи с целью её ослабления. Все эти идеи способствовали подъему патриотического, национального настроения, охватившего русское общественное мнение в 60-е годы XIX века.

Польское восстание 1863-1864 гг. можно рассматривать как своеобразное «событие перехода». Само «событие перехода» определяется как «слом баланса, выход в постравновесное

пространство», когда формируется новое проблемное измерение¹. Подобная ситуация была характерна для русской интеллектуальной жизни 60-х годов XIX века, постоянной чертой которой после 1863 года становится обострённый интерес к проблеме русской национальной идентичности. Общественное сознание России предпринимало попытки понять, что есть «русскость», русская «национальность», переосмыслить её роль в мировой истории, её отношения с воображаемым «Западом», а также сконструировать собственную идентичность в отношениях с внутренним «другим», то есть с нерусскими народами империи.

Активное обсуждение польского вопроса в прессе начинается только с польского восстания в январе 1863 года. Об этом писал Н. Кареев: «в журналах того времени (речь идёт о тридцатых годах) напрасно было бы искать такого суждения о польском вопросе; политические сюжеты были вообще не доступны для тогдашней литературы»². А известный публицист А.Н. Пыпин так характеризовал литературу 30-х годов по польскому вопросу: точка зрения на события «указывалась действиями правительства, ...оставалось восклицать, как в стихах Державина на взятие Варшавы: пошёл – и где тристаты злобы! Этого было достаточно; исследование, откуда брались тристаты, было излишне»³.

Начиная с 50-х гг., во время правления Александра II, перед русской периодической печатью открылись новые возможности, а именно ранее недоступные политические темы становятся предметом её обсуждения. Польское восстание 1863 года представляет собой своеобразный рубеж в развитии публицистики и общественного сознания в России. С этого периода начинается активное обсуждение национального вопроса не только в правительственных кругах, но и на стра-

¹ С.Т. Вайман, *Размышления о художественном переходе* [в кн.:] Н.А. Хренов (ред.), *Переходные процессы в русской художественной культуре*, Москва 2003, с. 171-172.

² Н.И. Кареев, *«Падение Польши» в исторической литературе*, Санкт-Петербург 1888, с.173.

³ А.Н. Пыпин, *Польский вопрос в русской литературе*, „Вестник Европы” 1880, выпуск 2, с.706.

ницах периодической печати, что способствовало развитию общественного мнения и формированию русского национального самосознания. Но, вместе с тем, в публицистике этого периода нашёл отражение и процесс формирования этно-стереотипов, в частности полонофобии: во всех легальных периодических изданиях того времени велась агрессивная «травля» поляков.

Пресса в этот период не только формирует общественное мнение, но и начинает влиять на принятие конкретных политических решений на уровне правительства. Примером может служить публицистическая деятельность М.Н. Каткова, который приобрёл небывалую популярность именно на волне антипольской кампании. По словам исследователя В.А. Твардовской, находясь вне правительства, своими публикациями он фактически «диктовал» ему программу, побуждая к решительным действиям в отношении польских повстанцев⁴. Идеи славянофилов в этот период находили поддержку в правительственных кругах и были реализованы в конкретных мероприятиях правительства в решении национального вопроса. Кроме того, характерным является тесная связь русской публицистики с философией и литературой. На страницах журналов русские философы и писатели впервые публиковали свои произведения, например, постоянными авторами «Вестника Европы» были И.С. Тургенев, А.Н. Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин. А редакторы журналов одновременно выступали идейными лидерами политических течений. Ярким примером этого стал публицист, редактор нескольких изданий И.С. Аксаков, возглавивший лагерь славянофилов после смерти своего брата Константина. Направленность периодической печати к «читающей публике» позволяет реконструировать круг идей и представлений, составляющих основу для идеологического самоопределения современников, вовлечённых в общественную и политическую жизнь эпохи.

Мы не ставим перед собой задачи рассмотреть все периодические издания, вышедшие в этот период, а остано-

⁴ В.А. Твардовская, *Идеология пореформенного самодержавия*, Москва 1978, с. 30.

вима на наиболее, на наш взгляд, значимых из них, чтобы проследить резонанс «польского вопроса» в общественном мнении этого периода. Можно выделить четыре основные направления в русской публицистике 60-х годов XIX века с точки зрения их взглядов на решение польского вопроса: 1) славянофильское и почвенническое направление: искало национальные идеалы в духовных, нравственных началах, отождествляя понятие русскости и православия, для них была характерна идеализация русской нации и признание её всемирной исторической миссии (газеты И.С. Аксакова «День», «Москва», «Москвич», «Русь», журналы братьев Достоевских «Время» и «Эпоха»); 2) консервативно-монархическое направление (или государственный национализм): тесно связывало развитие нации с её государственным, самодержавным началом, выступало с идеей преобразования Российской империи в национальное русское государство (журналы М.Н. Каткова «Московские ведомости» и «Русский вестник»); 3) либерально-буржуазное направление: стремилось к конституционному преобразованию российского государства по образцу Западной Европы, к созданию гражданского общества и политической нации (журнал М.М. Стасюлевича «Вестник Европы»); 4) революционно-демократическое направление: выступало с социально-революционными лозунгами, стремилось с помощью социальной революции создать новую русскую свободную нацию без сословий и монарха (журнал А.И. Герцена «Колокол», журнал Н.А. Некрасова и И.И. Панаева «Современник»).

Самым демократическим по воздействию на общество, оставаясь в то же время легальным, во второй половине XIX века, был журнал «Современник», возглавляемый с 1847 г. Н. Некрасовым и И. Панаевым. Однако в июне 1862 года, за полгода до польского восстания, за революционную направленность, деятельность «Современника» была приостановлена. В феврале 1863 года Некрасов, используя свои многочисленные связи, добился разрешения на продолжение

издания журнала, но под строгим контролем цензуры⁵. Поэтому «Современник» в полной мере не смог выразить своего мнения в отношении польского восстания и решения польского вопроса: «Высказывая мнения различных наших и зарубежных газет по польскому вопросу, мы сами затрудняемся высказать какое-нибудь определённое своё мнение по этому предмету. И не потому, чтобы думали, что оно может быть найдено неудобным, а потому: во-первых, что все мы русские близко заинтересованы в польском вопросе; удержаться от более или менее пристрастного решения его очень трудно; во-вторых, в наше время трудно найти какие-нибудь основания, опираясь на которых можно было бы с приблизительно вероятным решением решить вопрос так, чтобы решение его не влекло за собою неудобств в настоящем и будущем»⁶.

В основном, на страницах «Современника» освещался взгляд иностранной прессы на польский вопрос. Например, в 1863 году вышла серия статей «Польский вопрос и европейская дипломатия». Используя выписки из иностранных газет, «Современник» формулировал мнение европейских государств в отношении польского восстания, придя к выводу об их нежелании поддерживать восставших: «мы считаем лишним представить нашим читателям общую картину отношений польского вопроса к европейской дипломатии – хотя бы для того, чтобы успокоить тех из них, которые опасаются вмешательства Европы в пользу поляков, и для того, чтобы показать, что ни одна из великих европейских держав и не думает серьёзно принять сторону инсургентов»⁷.

Не разделяя национальные взгляды русской официальной публицистики, но не имея возможности их открыто критиковать, «Современник» ограничивался ироническими замечаниями в их отношении: «Между тем польскому вопросу, по нашему мнению, суждено доказать ещё раз, и притом

⁵ Б.П. Козьмин, *Журнал «Современник» – орган революционной демократии. Журнально-публицистическая деятельность Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова*, Москва 1957, с. 76-78.

⁶ „Современник. Журнал литературный и политический” 1863, том 95, с. 356.

⁷ Там же, с. 307-308.

самым наглядным образом, бессилие той современной дипломатии, которая должна, по мнению политических идеалистов, разрешать все запутанные и спорные международные вопросы. Вот почему мы останавливаемся так долго на изложении польского вопроса. Авось, думаем мы, нам удастся убедить хоть кого-нибудь из наших читателей в том, что и дипломаты, и газетчики, и все прочие господа, выбивающиеся из сил, для разрешения какого-нибудь вопроса, только самих себя тешат своими усилиями, а дело не подвигают ни на шаг»⁸. В 1866 году «Современник» был закрыт по личному распоряжению царя.

Пожалуй, единственным примером русской бесцензурной печати рассматриваемого нами периода являлся «Колокол» А. Герцена. Несмотря на то, что журнал был официально запрещён и начиная с 1853 г. издавался Вольной русской типографией, расположенной в Лондоне, купить его в России не мог разве только ленивый. А по силе своего воздействия на русское общество он добился почти государственного статуса власти в России. Об этом говорили даже его недоброжелатели: Чичерин и Катков признавали в Герцене «силу и власть в русском государстве»⁹.

В противовес распространённому в Российской империи единогласному осуждению Польши, Герцен поддерживал восставших поляков, осуждая политику её насильственного присоединения: «Кровь и слёзы, отчаянная борьба и страшная победа соединила Польшу с Россией ... Из-за Польши Россия приняла первый чёрный грех на душу. Раздел её останется на её совести»¹⁰. А.И. Герцен считал, что так называемые черты славянской самобытности, возвышенные славянофилами, есть не что иное, как влияние Запада. Например, православие он не считал уникальной чертой славянской национальности. Греческий византизм был заимствован славянами на западе,

⁸ „Современник. Журнал литературный и политический” 1863, том 96, с. 126.

⁹ А.А. Корнилов, *Общественное движение при Александре II (1855–1881)*, Париж, 1905, с. 128.

¹⁰ А.И. Герцен, *Поляки прощают нас!* [в кн.:] А.И. Герцен, *Собрание сочинений: в 30 т.*, т. 12, Москва 1957, с. 87.

а именно в Восточной римской империи, представляя собой «всего только апатичный католицизм»¹¹. Поэтому религия не может являться основной чертой самоидентификации народов. Основу национальной самобытности народа автор видел в его свободном самоопределении. По его мнению, любая провинция, имеющая «действительные элементы на особность, на самобытность», обладает полным правом на всякую автономию¹². Поэтому «Польша, как Италия, как Венгрия имеет неотъемлемое полное право на государственное существование, независимое от России»¹³. Таким образом, можно говорить о том, что признавая права поляков на независимое государство, Герцен, тем не менее, отвергал их притязания на восстановление Польши в границах 1772 года, подчёркивая права Украины «быть свободной и независимой страной», как от России, так и от Польши¹⁴.

Пытаясь понять, «откуда взялось непреодолимое чувство неприязни, которое влекло сначала Польшу на Русь, потом Русь в Польшу», Герцен обращается к основам взаимоотношений двух славянских народов. Корни этой вражды он видел в развитии двух несовместимых начал в России и Польше: «Русь сохранила общину, развила государство, образовала войско, но не развила вольного человека»¹⁵. Польше в полной мере удалось развить личностное начало в высших образованных слоях, но не удалось создать крепкого, единого государства. Подобное отчуждение части своего населения и стало причиной, по которой «Польша утратила на время нераздельную целостность и государственное значение»¹⁶. Осуждая агрессию по отношению к Польше, Герцен чётко

¹¹ А.И. Герцен, *О развитии революционных идей в России* [в кн.:] А.И. Герцен, *Собрание сочинений: в 30 т.*, т. 7, Москва 1956, с. 233.

¹² А.И. Герцен, «Колокол» и «День». (Письмо к г. Касьянову) [в кн.:] А.И. Герцен, *Собрание сочинений: в 30 т.*, т. 17, Москва 1959, с. 206-207.

¹³ А.И. Герцен, *Россия и Польша* [в кн.:] А.И. Герцен, *Собрание сочинений: в 30 т.*, т. 14, Москва 1958, с. 18.

¹⁴ Там же, с. 21.

¹⁵ А.И. Герцен, *Поляки прощают нас...*, с. 89.

¹⁶ Там же, с. 90.

разделял два понятия России: «Русь народную» и «Русь официальную»¹⁷. Автор неоднократно повторяет то, что русский народ тоже угнетён, причём той же силой, которая поработила и Польшу. Таким образом, у русских и поляков «общий враг» – самодержавие. А перед лицом одного врага революционный союз народов не просто возможен, но и необходим. Обращаясь к русским, Герцен призывал: «Соединитесь с поляками в общую борьбу «за нашу и их волюность», и грех России искупится...»¹⁸. Однако, свобода поляками и русскими понималась по-разному. Для поляков, пишет он, «вопрос польский, прежде всего, был вопрос национальный и только формально революционный...»¹⁹. Об этих идейных разногласиях позднее Герцен вспоминал в «Былом и думах», как о причине постоянно мешавшей союзу русских и польских революционеров²⁰.

Будущее русско-польских отношений представлялось автору не отдельно, а в виде федерации свободных государств: «Я искренне, от всей души желаю не разрыва славянского мира, а его свободную федерализацию»²¹. Непременное условие для такого объединения автор видел в освобождении от всякого гнёта социального и национального: «Польша хочет быть свободным государством, она готова быть соединённой с Русью, но с Русью тоже свободной...»²². То есть автор подчёркивал связь польского национально-освободительного движения и русской социальной революции, дополняя идею национального освобождения Польши социальными требованиями. Подобный приоритет социальной революции над

¹⁷ А.И. Герцен, *В вечность грядущему 1863 году* [в кн.:] А.И. Герцен, *Собрание сочинений: в 30 т.*, т. 17, Москва 1959, с. 294.

¹⁸ А.И. Герцен, *Поляки прощают нас...*, с. 93.

¹⁹ А.И. Герцен, *Былое и думы. 1852–1869* [в кн.:] А.И. Герцен, *Собрание сочинений: в 30 т.*, т. 11, Москва 1957, с. 127.

²⁰ Там же, с. 135–136.

²¹ А.И. Герцен, *Россия и Польша...*, с. 35.

²² А.И. Герцен, *Expiatio!* [в кн.:] А.И. Герцен, *Собрание сочинений: в 30 т.*, т. 17, Москва 1959, с. 18.

национальным вопросом был характерен для революционной народнической литературы в целом²³.

Поддержка польского восстания 1863-1864 гг, сочувственное отношение к полякам, создали Александру Герцену славу защитника польского дела, обеспечив высокую популярность в среде польской эмиграции. В частности, в статье В. Сливовской и Р. Сливовского упоминается небывалая популярность у польского населения в 1861 году «Молитвы русского», в которой содержался следующий припев: «Мольбу к тебе возносим: ниспосли нам Господи, больше Пестелей и Герценов!»²⁴. Роль Герцена в деле восстановления дружеских отношений русского и польского народов несомненна. Однако не следует её идеализировать и забывать, что за всеми симпатиями к полякам со стороны русских революционеров стояло, прежде всего, стремление использовать польское национально-освободительное движение для разжигания социальной революции в России. «Мы с Польшей потому, что мы за Россию. Мы с поляками потому, что одна цепь сковывает нас обоих», неоднократно повторяет Герцен²⁵.

Таким образом Герцен видел основную черту самоидентификации народов в их свободном самоопределении и поэтому без сомнения признавал право Польши на независимое существование. Более того, понимая основу существования любого народа в развитии его свободного, «личностного» начала, он связывал социальную революцию в России с решением национального вопроса. Революция в России, по его мнению, уничтожив сословия и самодержавие, приведёт к созданию новой русской свободной нации. Этой политической цели был подчинён созданный им идеальный образ поляка – борца за свободу. Даже потеряв государ-

²³ В.Н. Кудряшов, *Народники и «польский вопрос» (40–80-е гг. XIX века)*, „Вестник Томского государственного университета” 2009, № 3(7), с. 137.

²⁴ В. Сливовская, Р. Сливовский, *Герцен, поляки и польский вопрос*, <www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/cmr_0008-0160_1987_num_28_2_2108> (08.12.2010).

²⁵ А.И. Герцен, *Прокламация «Земли и воли»* [в кн.:] А.И. Герцен, *Собрание сочинений: в 30 т.*, т. 12, Москва 1957, с. 91.

ственную самостоятельность, поляки не были сломлены, продолжая борьбу за национальную независимость. Поэтому, именно они, по мнению Герцена, способны оживить и русский народ, развить в нем «вольного человека», способствовать распространению революции в России.

Следует отметить, что до 1863 года в отношении польского народа в общественном мнении не преобладали националистические настроения, наоборот, «взоры тогдашних выдающихся писателей были направлены на Европу. Оттуда ожидалось обновление русской жизни; там сосредоточивались симпатии русских интеллигентных людей. Польша признавалась до некоторой степени представительницей начал западной жизни»²⁶. Общество было вдохновлено Великими реформами 60-х годов и мечтало о Конституции. При таком настроении общественного мнения, польское восстание рассматривалось как стремление к свободе, Польша внушала к себе сочувствие. Подобную точку зрения разделяло и правительство, оно «колебалось в своих решениях и долгое время надеялось побороть подготавливавшееся восстание мерами кротости, путём соглашения»²⁷. Однако польское восстание 1863-1864 гг. привело к взрыву патриотических настроений во всех слоях русского общества. По воспоминанию современников событий, в настроении самого общества произошла крупная перемена. Те, кто не разделял «антипольских» чувств, были объявлены русофобами. Герцен и революционные демократы или как их тогда называли «нигилисты», продолжавшие поддерживать поляков, «были совершенно разгромлены и скомпрометированы в глазах большинства даже передовых и либеральных людей»²⁸. Популярность «Колокола» начинает стремительно падать и его тираж с 2000-2500 экземпляров к концу 1863 года сократился до 500²⁹. Наибольшее

²⁶ Р.И. Сементковский, *М.Н. Катков. Его жизнь и публицистическая деятельность*, Санкт-Петербург 1891, с. 37.

²⁷ Там же, с. 37.

²⁸ А.А. Корнилов, *указ.соч.*, с. 125.

²⁹ Там же, с. 127.

вливание вновь приобретают сторонники официальной охранительной идеологии.

Взгляды Каткова нашли отражение на страницах редактируемых им журналов «Московские ведомости», «Русский вестник» с еженедельным приложением «Современная летопись». Сразу после начала вооружённого мятежа Катков занял четкую позицию о необходимости его скорейшего подавления. Он писал: «Чем скорее будет прекращено вооружённое восстание поляков, тем будет лучше и для России, и для Польши»³⁰. По его мнению, «не всякая народность может претендовать на самостоятельное политическое существование... права имеет только та народность, которая доказала их своей историей и умеет хранить и поддерживать их»³¹. Подобные взгляды на национальный вопрос были выражены в его теории государственной национальности, получившей широкое распространение среди представителей официальной науки, например, эту точку зрения разделял А.Д. Градовский и правительство. «Национальность», согласно его теории, понятие исключительно государственное. Народный язык, национальный характер, обычаи, нравы, религия никакой роли в её становлении не играют. Племя закладывает основы государства и подчиняет другие племена во имя государственного единства. Примером такой государственной национальности является русская народность, но не польская, утратившая своё государственное значение. Поэтому Катков проводил мысль о том, что польского народа в истинном, государственном его понимании, в котором существует русский народ, просто нет: «в Польше мы имеем против себя не польскую национальность, отстаивающую своё право на жизнь, а польское государство, уже давно разрушившееся и тем не менее не могущее отказаться от завоевательных планов»³².

Как и славянофилы, Катков противопоставляет польский народ и польское государство, говоря о том, что «польское

³⁰ М.Н. Катков, *Собрание передовых статей "Московских ведомостей" 1863 год*, Москва 1897, с. 136.

³¹ М.Н. Катков, *Идеология охранительства*, Москва 2009, с. 182.

³² Там же, с. 193.

государство есть дело польской шляхты, а не польского народа. Народ не знает его, он никогда не принимал участия в государственном деле; он ни разу не действовал в польской истории»³³. В отрыве от народа видел причину его гибели: «Польское государство было государством без народа; оно было достоянием шляхты, у которой не было почвы, и которая неминуемо должна была выродиться. Оторвавшись от своего корня, она отрезала себе будущее»³⁴. Поэтому и Польское восстание, неоднократно подчёркивает Катков, не носило народный характер, «восстал не народ, а шляхта и духовенство»³⁵.

В отличие от славянофилов, М.Н. Катков не противопоставлял католическое и православное вероисповедание, не видел в католичестве губительной основы для славянского народа. Однако при совпадении двух элементов: «национально-польского» и «религиозно-католического», образуется, по его мнению, «самый вредный в нашем государственном составе элемент»³⁶. Наиболее сильно негативное влияние польского католицизма проявилось в польском восстании. Польские ксёндзы принимали активное участие в смутах, внушая под видом религии «безумную ненависть к России и дух революции»³⁷. Поэтому в качестве основной меры автор предлагал разобщить польскую национальность и католическую религию принятием в католическую иерархию других национальных элементов, например русских католиков.

Для М.Н. Каткова польское восстание с самого начала ассоциировалось с угрозой радикальных всеобщих перемен в России. Он подчёркивал существование совместной деятельности «польских агитаторов» и «домашних революционеров» в польском восстании, влияние польского восстания на возникновение революционных сил в России: «эти пророки и герои русской земли (как польские агитаторы чествуют их, лъстя их глупостям) сами не подозревают, чьих рук они

³³ М.Н. Катков, *Собрание передовых статей...*, с. 241.

³⁴ Там же, с. 241.

³⁵ М.Н. Катков, *Идеология охранительства...*, с. 191.

³⁶ М.Н. Катков, *О свободе совести и религиозной свободе*, <www.dugward.ru/library/katkov/katkov_svob_sov.html> (09.01.2011).

³⁷ Там же.

создание»³⁸. Катков писал: «Мы не знаем как близко издатели Колокола принимают к сердцу интересы французских швей, но мы знаем, что они принимают близко к сердцу интересы польских повстанцев, и открывая в пользу их подписку, осыпают ругательствами русских офицеров и солдат»³⁹.

В разрешение польского вопроса Катков видел один выход: либо мы подчиняем поляков, либо они нас. Катков был уверен, что с потерей Польши для России произойдёт утрата статуса великой державы, она будет превращена в полу-азиатское государство, каким она была до Петра I. Всё дело в том, неоднократно повторял публицист, что поляки не хотят восстановления «чисто польского государства», а стремятся присоединить к себе также Литву и Русь, следовательно, делал он вывод, что для России «польский вопрос» имеет национальный характер; для поляков – это вопрос о подчинении русской национальности польскому государству. Таким образом, дарование Россией Польше самостоятельности, по словам Каткова, «уничтожило бы всякое политическое значение России и поставило бы на ее место Польшу»⁴⁰. Кроме того, «отторжение» только польской территории от России было бы губительно для самой Польши, так как «самостоятельная Польша не продержалась бы и одного года; неминуемо последовал бы раздел её между Пруссией и Австрией»⁴¹.

Что касается Западного края, то вопрос о его принадлежности к России, по мнению Каткова, являлся очевидным, «здесь искони жил русский народ, здесь началось русское государство, здесь родилась русская вера и здесь же начался русский язык... Он населён исключительно русским народом, единым в вере и языке»⁴². Такая крайняя консервативная позиция Каткова о полном слиянии России и Польши выделялась на фоне общественного мнения, но имела огромный успех.

³⁸ М.Н. Катков, *Идеология охранительства...*, с. 187.

³⁹ М.Н. Катков, *Собрание передовых статей...*, с. 571.

⁴⁰ Там же, с.153.

⁴¹ Там же, с. 256.

⁴² Там же, с. 326-327.

Выразителем западнического, либерального понимания польской проблемы был «Вестник Европы». После закрытия журнала в 1830 г., он возобновил свою работу в 1866 под редакцией М.М. Стасюлевича, но только с 1868 году он стал ежемесячным журналом «истории, политики и литературы»⁴³. Перечисляя победы правительства, в качестве одного из пунктов, редакция, наряду с крестьянским вопросом, упоминает: «Наконец, мятеж польский был подавлен..», явно положительно оценивая факт расправы с повстанцами⁴⁴. По мнению журнала, восстание в Польше не было народным, а напротив, носило чисто шляхетский характер. Более того, оно посягало на целостность Российской империи, так как активно участвующее в восстании католическое духовенство действовало в согласии с планами римского папы, планирующего «основать в пределах империи государство, независимое от верховной власти и подчиненное, исключительно римскому первосвященнику»⁴⁵.

Что касается решения «польского вопроса», то сейчас, когда «обоюдные страсти достаточно улеглись», по мнению редакции, «можно серьезно подумать о взаимном примирении»⁴⁶. Однако, возможность примирения не предусматривала возрождения самостоятельной польской государственности. По мнению «Вестника Европы», в России должна существовать «одна русская государственная народность», не исключаяющая при этом существования разных национальностей. Но не все национальности могут претендовать на обособление. В составе Российской империи, помимо русского народа, статус «народности», а следовательно право на государственность, распространялся только на финнов. Важнейшей чертой народности, по мнению журнала, выступает наличие

⁴³ В.А. Китаев, *Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.)*, Саратов, 2004, с. 231.

⁴⁴ „Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы” 1868, кн. 1, с. 382.

⁴⁵ „Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы” 1868, кн. 3, с. 121.

⁴⁶ „Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы” 1868, кн. 1, с. 394.

у неё «прочной основы», а именно единого, сложившегося «народа», который уже существует в Финляндии, но отсутствует в Польше⁴⁷.

В решении «польского вопроса» «Вестник Европы» выступал и против слияния России с Польшей предложенного редактором «Московских ведомостей». «Полное слияние может, при известных условиях, сделаться началом новых затруднений, которые будут не лучше первых», – утверждала редакция⁴⁸. Единственное условие для примирения журнал видел в установлении гражданского равноправия поляков с остальными народами Российской империи при сохранении их национальных особенностей, в частности собственного языка. Необходим переход к «общим мерам», «общему русскому праву», чем скорее будет ликвидирована исключительность Польши, тем быстрее будет достигнуто с ней примирение. При этом, важное условие сближения народов журнал видел в проведении на территории Польши либерально-буржуазных политических преобразований, осуществляемых в Российской империи, а именно «подготовление их к скорейшему принятию судебной и земской реформы»⁴⁹. Важнейшим фактором примирения, по мнению редакции, может стать формирование «национального среднего сословия» в Польше. «Главная наша сила в западном крае и в царстве будет всё-таки не в переселившихся из России новых землевладельцах, а в массе народа», – писал «Вестник Европы». Оно не только сплотит польский народ, сузив пропасть между «высшим сословием» и «простолюдинами», но и станет связующим звеном между Россией и Польшей, так как это «сословие, вызванное Россиею, будет вполне предано русскому правительству»⁵⁰.

В то же время, политика русификации, проводившаяся в Царстве Польском во второй половине 60-х гг, не нашла

⁴⁷ Там же, с. 393.

⁴⁸ „Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы” 1868, кн. 4, с. 843-844.

⁴⁹ „Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы” 1868, кн. 1, с. 394.

⁵⁰ Там же, с. 396.

поддержки у «Вестника Европы». Особенно критично журнал высказывался относительно запрета национального польского языка. «Запрещение употребления польского языка не может быть отнесено к числу мер действительных, или примирительных», – писал он по этому поводу⁵¹. Считая народный язык важнейшим элементом национальности, «Вестник Европы» в своих публикациях требовал вернуть польский язык в школу, возродить судопроизводство на родном языке и дать свободу польской национальной печати⁵². Таким образом, в 60-е годы XIX века «Вестник Европы» явно находился под влиянием распространившегося в русском обществе патриотического настроения. Но уже в 80-е годы XIX века на страницах популярного издания появятся серии статей по национальному вопросу А.Н. Пыпина и В.С. Соловьёва, выступавших с резкой критикой распространившихся в обществе крайне националистических, шовинистических настроений.

Славянофильская позиция в отношении «польского вопроса» в рассматриваемый нами период, в основном, была изложена И.С. Аксаковым на страницах газет «День», «Москва», «Москвич», «Русь», редактором которых он был. По мнению автора, судьба Польши выделяется из общей судьбы славянского племени своей принадлежностью к католическому вероисповеданию. Непримиемые различия в духовных основаниях православной России и католической Польши определили всю сложность и неразрешимость «польского вопроса»: «православный Грек, даже православный Немец более брат, чем Поляк-католик или даже Русский, ставший латинянином»⁵³. И.С. Аксаков полагал, что падение Польши не случайно, а «было подготовлено внутренним разложением Польского общества», а именно «изменою её Славянским

⁵¹ Там же, с. 394.

⁵² В.А. Китаев, указ. соч., с. 234.

⁵³ И.С. Аксаков, *Почему Австрия не может сделаться Славянскою державой. Газета «День», 11 ноября 1865 г.* [в кн.:] И.С. Аксаков, *Полное собрание сочинений. Т. 7: Общеввропейская политика: Статьи разного содержания из "Дня", "Москвы", "Руси" и других изданий, и некоторыя небывшия в печати. 1860-1886, Москва 1887, с. 82.*

началам...»⁵⁴. Существование Польши в её прежнем виде и устройстве стало далее невозможно, тем более, такое соседство препятствовало бы свободному развитию России. Поэтому политическая гибель Польши, заключал Аксаков, исторически закономерна и естественна.

Публицист в духе романтического славянофильства подчёркивает, что важнейшим в этом противостоянии являются не территориальные завоевания, не расширение административных границ государства, а требование свободного духовного развития народа. «Эта борьба не за материальное обладание землею, а за духовную независимость Русского народа от латинства (понимаемого в самом широком смысле)...»⁵⁵. В противостоянии католическому влиянию, в духовном преобладании православия в славянстве он видит главную миссию России, её славянское призвание. Не раз в своих публикациях автор подчёркивает, что именно Россия, как «истинная представительница Славянства», сосредоточившая в себе всю духовную и материальную мощь славянского мира, должна принять вызов Запада в образе Польши⁵⁶.

Рассматривая будущую судьбу Польского государства, автор заявлял: «Поляки имеют безусловное, несомненное право стремиться к свободе и независимости, не только духовной, но и политической, всей Польской народности, и лишены, напротив, всякого нравственного права требовать восстановления прежних пределов - не народности Польской, а Польского Королевства»⁵⁷. И.С. Аксаков был против планов

⁵⁴ И.С. Аксаков, *Наши нравственные отношения к Польше*. Москва, 18 ноября 1861 г. [в кн.:] И.С. Аксаков, *Полное собрание сочинений*. Т 3. *Польский вопрос и Западно-Русское дело. Еврейский вопрос*. 1860–1886, Москва 1886, с. 9.

⁵⁵ И.С. Аксаков, *По поводу письма Ригера о польском вопросе*. Москва, 13 июля 1863 г. [в кн.:] И.С. Аксаков, *Полное собрание сочинений*. Т 3..., с. 130-131.

⁵⁶ И.С. Аксаков, *В предположении войны*. Москва, 6 июля 1863 г. [в кн.:] И.С. Аксаков, *Полное собрание сочинений*. Т 3..., с. 125.

⁵⁷ И.С. Аксаков, *Еще о польских притязаниях на Западно-Русский край*. Москва, 8 февраля 1863 г. [в кн.:] И.С. Аксаков, *Полное собрание сочинений*. Т 3..., с. 35.

полного поглощения Польши Россией: «Лучше совсем отказаться от Польши... Лучше совсем исключить её из Славянской семьи, предоставив её собственной её участи в борьбе с германизмом, чем держать её в насильственном с собою союзе»⁵⁸. Более того, он считал необходимым «дознать от самой Польши, чего она хочет» для проведения конкретных политических преобразований⁵⁹. Здесь Аксаковым демонстрируются зачатки нового подхода, а именно переход от бинарной оппозиции к попыткам диалога с поляками. Но, к сожалению, дальше этой попытки услышать мнение противной стороны развитие диалога не пошло.

По мнению И.С. Аксакова, для окончательного разрешения польского вопроса было необходимо полное отречение Польши от «латинства»⁶⁰. Для осуществления подобного «перерождения» важнейшая роль отводилась крестьянству. «Для блага самой Польши», – писал Аксаков в 1863 году, – «для полноты и цельности ее развития, нужно желать, чтобы там образовалось крепкое и независимое крестьянство и чтобы оно наравне со шляхтою получило участие в земском представительстве»⁶¹. Кроме того, появление народного элемента в общественной жизни «способствовало бы возвращению Польши к Славянской стихии»⁶². Именно тогда было бы возможно искреннее соединение «славянской Польши» со «славянской Россией». Но, впоследствии, Аксаков отходит от своих первоначальных взглядов на решение польского вопроса, одобряя в итоге ее присоединение: «Только благодаря России, под ее стеклянным или железным колпаком,

⁵⁸ И.С. Аксаков, *В предположении войны...*, с. 118.

⁵⁹ И.С. Аксаков, *Как узнать где именно Польша и чего она желает?* Москва, 15 апреля 1863 г. [в кн.:] И.С. Аксаков, *Полное собрание сочинений. Т 3...*, с. 63.

⁶⁰ И.С. Аксаков, *О «всенародном» польском сейме для решения польского вопроса.* Москва, 2 февраля 1863 г. [в кн.:] И.С. Аксаков, *Полное собрание сочинений. Т 3...*, с. 28.

⁶¹ И.С. Аксаков, *Как узнать где именно Польша...*, с. 66.

⁶² И.С. Аксаков, *По поводу нот князя Горчакова.* Москва, 20 июля 1863 г. [в кн.:] И.С. Аксаков, *Полное собрание сочинений. Т 3...*, с. 142.

сбереглось польское имя, сохранилось от разложения, сохраняется и доселе от германизации польская национальность...»⁶³.

Отдельно И.С. Аксаков предлагал решить вопрос о Западном крае: «Литва, Белая и Малая Русь никогда не были коренными Польскими землями; народонаселение их составляло всегда отдельную от Польской народность...»⁶⁴. Аксаков считал естественным право России на возвращение коренных русских земель, населённых православными славянами. Положительное значение автор видел в проведении политики «русификации» в Западном крае. По его мнению, она необходима для борьбы с «полонизмом», то есть с попытками «ополячить» и «окатоличить» русское население Западного края. Автор подчёркивает духовный характер «полонизма», его нравственную силу. Поэтому и противостояние «полонизму» должно осуществляться не силой оружия, не воздействием государства или общественных институтов, а укреплением, развитием и превосходством русских духовных начал в Западном крае. При этом важнейшую роль в процессе «обрусения», по мнению автора, играет именно распространение православия.

В отличие от И.С. Аксакова, который опубликовал огромное количество работ по польскому вопросу, Ю.Ф. Самарин изложил свой взгляд на польскую проблему фактически в одной статье «Современный объем польского вопроса», которая была опубликована в №38 газеты «День» от 21 сентября 1863 года. В основе рассуждений Самарина по польскому вопросу лежит общая теория славянофильства, противопоставляющая изначально противоположные, западные и славянские духовные начала, основанные на различии католического и православного вероисповедания. Автор объясняет, что под латинством он понимает не только догматические особенности католицизма, но «и всё то, что выросло из семян его, всю совокупность нравственных

⁶³ И.С. Аксаков, *Застой русского дела в западном крае по усмирению мятежа 1863–64 годах*. Москва, 1 мая 1884 г. [в кн.:] И.С. Аксаков, *Полное собрание сочинений*. Т 3..., с. 652.

⁶⁴ И.С. Аксаков, *По поводу нот князя Горчакова...*, с. 137.

понятий и бытовых отношений, обусловленных римско-католическим воззрением...».⁶⁵ Негативное воздействие чуждой религии, по его мнению, отразилось прежде всего на судьбе самой Польши. «Не тем путём шла Польша», – продолжает он. Даже по признанию польских историков, «всякий раз, когда латинство брало перевес, звезда Польши бледнела и угасала»⁶⁶.

Обращаясь к способу разрешения «польского вопроса», Самарин как и И.С. Аксаков полагал, что для примирения с Россией «нужно, чтобы Польша отрелась от своего союза с латинством и, наконец, помирилась бы с мыслью быть только собою, то есть одним из племен славянских...»⁶⁷. Автор искренне верил в «духовное примирение» России и Польши, хотя и не считал, что это может осуществиться «скоро и легко». Поэтому в отличие от Аксакова, Ю.Ф. Самарин достаточно подробно останавливается на конкретных политических мероприятиях в отношении Польши. Окончательно угодить полякам, по его мнению, невозможно, но необходимо сделать их максимально безвредными для России. Для этого, прежде всего, необходимо подавить в Царстве Польском мятеж. Как и Аксаков, Ю.Ф. Самарин считал крайне важной политику русификации Западного края. Права на эти земли он признавал исключительно за Россией, называя их не иначе, как «наши западные губернии». Западный край необходимо полностью отделить от Польши, «обеспечив преобладание русской и православной стихии над латино-польской»⁶⁸. А именно: обязательный выкуп крестьян с землёй, распространение «православно-русского просвещения», устранение польского элемента в мировых учреждениях. Что касается самой Польши, то способов разрешения этого политического вопроса он видел всего два: или «нераздельное сочетание Польши с Россиею», но при условии, что власть будет «в русских руках сосредоточенной или настолько сильной, чтоб убедить поляков

⁶⁵ Ю.Ф. Самарин, *Православие и народность*, Москва 2008, с.345.

⁶⁶ Там же, с. 343.

⁶⁷ Там же, с. 354.

⁶⁸ Там же, с. 356.

в безнадежности всякого восстания»⁶⁹. Или добровольное и полное отречение от Польского царства, без каких либо обязательств в ее отношении.

«Польский вопрос» очень хорошо вписывался в славянофильскую теорию, подтверждая верность некоторых их посылок. Они объясняли причины падения Польши, её историческую несостоятельность, рассматривая поляков как нечто противоречащее самому духу славянства. Для них была характерна мифологизация образа Польши. Однако, при ближайшем рассмотрении, взгляды славянофилов на Польшу представляли зеркальное отражение идей польских национально настроенных мыслителей о России, что совершенно справедливо в логике «мифа», столь распространенного в патриотической среде. В частности, о подобном совпадении упоминает в своём исследовании Н. Кареев, приводя в пример мифологические высказывания А. Мицкевича и И. Лелевеля о русском народе⁷⁰. По теории Мицкевича, польский и русский народ представляют собой два противоположных полюса. Положительный полюс славянской идеи заключается в Польше, отрицательный полюс идеи или полюс «противославянской» идеи заключается на Руси. Польша — воплощение славянского духа. Русская народность, по мнению Мицкевича, изначально принадлежала славянскому направлению, но погибла, осталась лишь масса людей, поглотившая в себя разнообразные финские и татарские стихии, утратив славянские чувства. Польский историк И. Лелевель говорил следующее: «Нынешняя Россия, за исключением областей, занятых в 1772, 1793 и 1795 годах, равно как и тех, которые захвачены были в XVII веке, областей, которые все принадлежат польской народности, есть не что иное, как Московия, страна не славянская, народности азиатской и варварской... Нынешняя Россия есть наибольшая противоположность славянским идеям, в особенности идеям и верованиям польским»⁷¹. Таким образом, можно проследить очевидное сходство во взглядах

⁶⁹ Там же, с. 357.

⁷⁰ Н.И. Кареев, *указ. соч.*, с. 184-187.

⁷¹ Там же, с. 185-186.

славянофилов и польских национальных апологетов, рассматривающих, одни – польский народ, другие – русский, как изменивший славянству или никогда не бывший им. В «зеркале» друг друга эти народы отразили претензию на «богоизбранность» и продемонстрировали отсутствие диалогизма, предполагающего с одной стороны, рефлексию – видение себя как другого (М. Бахтин), а с другой стороны, возвышение над своим, личным и постижение другого, его идей и интересов.

Рассматривая «польский вопрос» в периодической печати 60-х годов XIX века, нельзя не затронуть позицию, сформулированную на страницах журналов, издаваемых братьями М.М. и Ф.М. Достоевскими, «Время» и «Эпоха». Наиболее показательной, с точки зрения рассматриваемой польской проблемы в 60-ые годы XIX века, была статья «Роковой вопрос» Н.Н. Страхова, опубликованная в апрельском номере журнала «Время» за 1863 год. Вышедшая статья почти сразу взбудоражила русское общественное мнение. Страхова несправедливо обвиняли в недостаточном патриотизме и даже «полонофильстве». Статья Страхова неспроста задела «за живое» национальное чувство русских патриотов, так как ему удалось совершенно по-новому взглянуть на «польский вопрос», увидеть в нем ключ к пониманию специфики русской национальной идентичности. Чтобы разобраться в «польском вопросе», по мнению Страхова, следует взять воедино две проблемы: взгляд поляков на нас и наш на поляков⁷². В этом заслуга философа: сопоставляя себя западной, хотя и славянской цивилизации, другим духовным ценностям мы обретаем, другое понимание своей русской самобытности. В конечном итоге философ сделал первый шаг на пути разрушения извечной мифологической оппозиции России и Европы, развивая мысль о многообразии и автономности славянского мира. При этом не следует преувеличивать его отстраненность от стереотипов эпохи. Не отрицая её развитости и достижений, автор всё же указывал на глубинные

⁷² Н.Н. Страхов, *Роковой вопрос* [в кн.:] Н.Н. Страхов, *Борьба с Западом*, Москва 2010, с. 38.

противоречия в самой основе польской цивилизации. В Польше, по его мнению, был «оцивилизован» только высший класс, именно он творил польскую культуру, а простой народ, оказался во вне этой культуры, был оторван от неё⁷³. Страхом подчёркивал, что главная беда Польши – её беспочвенность. Стремясь стать частью европейской цивилизации, она изменила себе, растеряв свои самобытные корневые начала. В итоге автор подверг критике убеждения поляков в превосходстве своей культуры над русской.

Таким образом, «польский вопрос» в 60-е годы XIX века широко рассматривался на страницах периодических изданий в Российской империи и за её пределами, нередко переплетаясь с острыми политическими и социальными темами. Политики разных мастей вкладывали в образ «другой» Польши самый разный смысл, используя его для достижения конкретных политических целей. Например, революционные демократы видели в поляках идеал свободы, к которому должен стремиться русский народ, связывая освобождение Польши с победой социальной революции в России, а публицисты консервативного направления противопоставляли национальную и политическую несостоятельность демократической Речи Посполитой, крепкому самодержавному русскому государству, связывая разочарования реформами в польском вопросе с разочарованием реформами вообще. Польские события 1863 года совпали с эпохой освобождения крестьян в России, что наложило отпечаток на решение польского вопроса, оно стало ассоциироваться с освобождением крестьян. Распространению этой идеи активно способствовали славянофилы, отождествляя понятия «народ» и «крестьянство», видя в возрождении польского крестьянства, славянское «перерождение» Польши.

Одновременно «польский вопрос» резонировал и как вопрос философский, осмысление национальной идентичности с разных мировоззренческих и идейных позиций. Популярность предложенной славянофилами концепции русской национальной идентичности, основанной на превос-

⁷³ Там же, с. 57.

ходстве православной России над европейской Польшей, поднявшийся на волне патриотических настроений в период польского восстания 1863-1864 гг., сделала их позиции преобладающими во второй половине XIX века. Другие направления национальной мысли в России, либо дискредитировали себя поддержкой польского восстания, либо занимали нейтральную позицию, не выражая чётко своих суждений. Великие реформы 60-х годов XIX века, отмена крепостного права вывела славянофилов из оппозиции в отношении к правительству, а появившаяся внешнеполитическая направленность славянофильской концепции в виде идеи «борьбы с Западом» максимально сблизила её с «государственным патриотизмом». Соединившись в национальном вопросе с официальной идеологией, славянофильство превратилось в его интеллектуальное оправдание и идеологическую опору, положив начало новой стадии в становлении русского национализма.

„Kwestia polska” na łamach rosyjskich wydań periodycznych z lat 60. XIX wieku

W artykule, na bazie periodyków z lat 60 XIX wieku, przedstawiono wpływ „kwestii polskiej” na rozwój rosyjskiej świadomości narodowej. Zdaniem autorki powstanie styczniowe sprzyjało wzrostowi zainteresowania sprawami rosyjskiej świadomości narodowej i odcisnęło piętno na licznych projektach filozoficznych.

Słowa kluczowe: „kwestia polska”, tożsamość narodowa, publicystyka

“The Polish question” in Russian periodicals 60’s of the XIX century

The article revealed the influence of “the Polish question” in the development of Russian national identity, as reflected in periodicals 60’s of the XIX century. The Polish revolt 1863-1864 contributed to the exacerbation of interest in the problem of Russian national identity and its construction in a variety of philosophical projects.

Key words: “the Polish question”, national identity, political writing.

Светлана Иванова – кандидат философских наук, сотрудник кафедры философии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: Ivanova_S@bsu.edu.ru